

Его знает весь мир. В России только в Орле, в родном городе Леонида Андреева, на доме, где прошли его детство и юность, висит мемориальная доска. Ни Петербург, ни столица не обременили себя заботой, словно отшибла память об этом пронзительном писателе, предчувствовавшем и предсказавшем трагический финал России, уготovaný ей народо-вольцами, революционерами, большевиками. А как талантлив был! Рассказы, пьесы, эссе Леонида Андреева коснулись болезненных катаклизмов эпохи. Лишь наделенный высшим даром провидца художник мог нарисовать столь огромную, мистически звончущую картину приближающегося краха.

Ведущая Наталья ДАРДЫКИНА

Письма к Анне Ильиничне

Леонид АНДРЕЕВ
 < Петербург. Март 1908 >
 Радость моя! Единая на всю жизнь. Мое сокровище — солнце — голубое небо — вся радость жизни. Пойдем с тобой к солнцу. Просто прелесть ты моя. Ты вся во мне как музыка, моя чистая, моя прекрасная.
 <...> Вот сегодня — такие у меня большие мысли о жизни и о любви. Не думай, что я так слаб, ибо уж очень колеблюсь — нет, это любовь сильна.
 Ну же сейчас на Невский. И почему-то кажется, то это можно так выйти на балкон и прямо полететь в пальто demi-saison.
 Твой на всю жизнь Л.

< Петербург, 12 марта 1908 >
 Сегодня весь день работал, даже не выходя на воздух, а завтра с ржым дьяволом еду на дачу. Хочу дышать. Приеду к половине одиннадцатого.
 Так странен день, когда тебя не видишь. Пустой, слепой, кри-вой, глухой и немой день. Даже спать ложиться как-то нелепо. И все ждешь чего-то. Кого-то. Тебя, должно быть?
 Ты моя радость. Ты знаешь это? Моя-моя. Когда тебя нет со мною, я иногда сильнее чувствую, что ты моя. И сегодня я чувствую это, и сегодня мне весе-ло. Прелесть моя. Ужасно хочется поцеловать тебя.
 До завтра. Жду. И как же нежно целую я тебя.
 А как дверь стукнет, все думаю: не ты ли?
 Завтра, т. е. Четверг.

12 марта
 Милочка моя, правда, трудно мне спать. Хотел бы на минуточку тебя увидеть. Радость. Работать сегодня я не буду, и ты доставишь мне большое удовольствие, если придешь ко мне сейчас... Но если хочешь, приеду я.
 В искренности человека, который любит, действительно есть некоторые странности.
 Ну ладно, деточка. Пойду сейчас шататься, ровно в 3 ч. буду дома. Ты прекрасно сделала, что не разбудила. Я всегда оговариваюсь: не будить.
 Чувствуешь теперь, что значит иметь такого влюбленного, как я, господина, который не спит и с раннего утра зажаривает письмами? Погоди, еще не то будет. Скоро буду присылать письма в 1 ч. ночи — в 2 — в 5 — в 6.
 Да. Как это ни грустно при моих сединах, но приходится созреть — влюблен.
 А ты до 4-х не спала?
 Ты мое солнце — мое полночное солнце.
 Вчера свернул себе шею — стараясь из своего угла увидеть твоё окно. Несомненный факт: люблю, влюблен.

< Петербург. Середина марта 1908 >
 Ты вот что сделала со мною, не придя сегодня:
 После вчерашней тяжелой и бессонной ночи я ждал тебя — ты должна была прийти. Ничего делать я не мог. К 4 часам, когда увидел, что тебя вероятно не будет, я пришел в такое состояние, когда хочется кричать от боли, от тоски, от напряжения. Оставил тебе письмо и пошел гулять, чтобы что-нибудь делать — только я ходил как слепой. Пришел — тебя не было. Спал — и были в сне кошмары и тоска, которых описать не могу. Тоска и то напряжение, при котором опять-таки метаться, кричать, бежать куда-то от себя, от проклятой жизни.
 Говорил о чем-то с Серафимовичем, а тут твоё письмо. Значит, и не приходишь. Война? <?>
 Такой любви мое сердце выдержать не может. Я слишком изменен, я слишком устал и слишком серьезно принимаю любовь.
 То, что ты не пришла, не исполнила обещания, даже не уведомила — это для тебя мелочь, которой ты не замечаешь. Ты вероятно, даже не догадываешься, в какой тоске я — так просто для тебя, с твоей любовью, не прийти, не видеть.
 Для меня такая мелочь — важнее, чем самое важное. Потому что в эти мелочи — любовь, в чуткости сердца, в нежности, которая боится причинить страдания. Ты подумала, что значит ждать?
 Нет, ты об этом не подумала...
 Да, наконец, что там: подумала! Мне не нужно, чтобы ты думала обо мне, нужно, чтобы ты сама любила, сама для себя хотела видеть. А ты хочешь? <?>
 О, милая моя, я понимаю, как неприятно долго не брать ванны. Да, я понимаю это. Что же делать мне? Куда пойти? Где искать живую любовь, живое сердце? Бесильно и глупо звучат мои упреки. Как упрекать человека в том, что он мало любит, когда это просто — факт. Разве этим письмом увеличила твою любовь? Или верну себе покой и веру? Изменить то, что уже совершилось?

Ты такая, какая ты есть. И любишь так, как можно любить. А я, с моею мечтою о великой любви — просто несчастный глупец. Вот мучаюсь я, вот с ужасом смотрю в темные и пустые глаза ночи — ты же берешь ванну.
 Пусто. Что делать? Болят мысли, болит сердце и одна мечта, жажда — сейчас, немедленно, хоть на эти проклятые пустые часы уйти в небитие, как-то перестать чувствовать, жить.
 Тоска моя, тоска великая.
 Только не называй этого «требовательностью». О требовательности говорят только люди, не знающие великой любви. Ибо что такое для них такой пустяк: не пришла? Ну нынче не пришла, завтра придет — не так ли, радость моя? Леонид.

В БЕССМЕРТНОМ ЧЕРЕЗ ЛЮБОВЬ

Москва, комиссия — 1996. — 14 абт. — с. 8

Леонид Андреев

С Анной. Фото Леонида Андреева.

Философски глубокую прозу писателя ортодоксальная критика именвала декадентской. Крамолой считался отход писателя от сурового реализма к символу, к аллегории. Безусловно, темы, близкие и дорогие писателю, как-то: рок и человек, катастрофа личности, поднимающейся над обыденностью к осмыслению вселенских проблем, не отнесешь к легкому чтению. Как драматург Андреев считал себя приверженцем символизма, яркого волшебника сцены Метерлинка. Ему нравилось, что «Метерлинк мысли свои одевал в штаны, а сомнения заставлял бегать по сцене».
 Наступает время для драматургии Леонида Андреева. Всем близка его мысль, высказанная в пьесе «Анатэма»: путь к бессмертию «решается любовью».
 Сегодняшний выпуск «Азорских островов», посвященный 125-летию со дня рождения замечательного писателя, драматурга, эссеиста и художника Леонида Андреева, подготовлен при участии его внучки, Ирины Андреевой (Рыжковой). Она родилась и до 10 лет жила в Чехии. Русский язык почти не знала. Но, приехав с мамой в Россию, уже через 6 лет поступила в Литературный институт им. Горького, на отделение прозы, и успешно закончила его.

НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

Андреева упрямо называли эмигрантом. А было все куда проще и сложнее. Еще когда была жива его первая жена Александра Михайловна Велигорская, писатель задумал построить дом на Карельском перешейке, в 70 километрах от Петербурга, на Черной реке, не на той, где Дантес смертельно ранил Пушкина, — на другой. Воображаемую обитель он сначала нарисовал, а уж потом доверил пиетерскому архитектору Андрею Олю составить проект дома. По тем временам писатель получил колоссальные гонорары и мог быстро построить. Но умерла Александра Михайловна, оставив вдовцу двух мальчиков — Вадима и Даниила. Наступила тяжелейшая депрессия, и тут уж было не до постройки...
 Андрей Оля построил дом при новой жене писателя Анне Ильиничне, а позднее породнился с Андреевым, женился на сестре Леонида Николаевича — Римме.
 Дом был огромный, выполненный в стиле «норвежский модерн». У Андреева там гостили Шалапин, Горький, молодой Чуковский. А Репин просто был соседом. Места красивейшие! Крутой обрыв над Черной рекой, поэтическое запустение и тишина... Здесь было хорошо и удобно, семья отсюда почти не выезжала. Внутреннее убранство, даже стулья были выполнены по эскизам Леонида Николаевича. На стенах — картины друзей: Рериха, Репина, написавшего несколько портретов эlegantной хозяйки дома, Анны Ильиничны. Сам Леонид Андреев и в живописи был профессионалом, выставлялся в компании с передвижниками.
 Меня поразил портрет Льва Толстого на смертном одре, написанный Андреевым: цепко сомкнутые пальцы на груди замкнули последнюю тайну геня. Всепроницающий взгляд беспощаден — ненасытно любящий даже перед кончиной. Мастерская работа... Кому из живописцев ваш дед отдавал предпочтение?
 Бабушка рассказывала моей маме, что он очень любил Гюйо. Сделал несколько копий углем с работ из серии «Капричос».
 Вот это выбор — копировать позднего Гюйо, его трагические кошмары!
 Особенно Андреев ценит один офорт Гюйо — «Сон разума порождает чудовищ»...
 Ирина, так все же — был или не был Андреев эмигрантом?
 В восемнадцатом году Финляндия отделилась от России, и граница прошла между его домом (кстати, между репинским тоже) и Петербургом. Семья оказалась в Финляндии. Считать Леонида Андреева эмигрантом — это бред сивой кобылы. Не было эмиграции! Он и «за границей» прожил чуть-чуть: через два года его не стало.
 Когда мир раскалывается, трещина проходит через сердце поэта.

— Тут была уже не трещина, а глубокий разрыв. Все, что случилось с Россией, Андреев считал катастрофой. Он категорически не принял новую власть, о чем не раз писал. Не разделял его с родины граница, за прямоу высказываний большевики его тут же поставили бы к стенке. Убеждена: деда убила ностальгия. Он не мог перенести отрыва от родной и близкой среды, в своих эссе звал спасти Россию. И не мог простить Горькому, что тот стал служить советскому режиму. Они разошлись, как в море корабли.
 — Леонид Николаевич умер в своем доме?
 Нет, в доме Фальковского, рядом. После заварухи содержатель большой дом в тепле выросло в неразрешимую проблему. На один день требовался целый воз дров. Да и обслуга разбежалась. Дом отсырел, стал разрушаться сам по себе...
 После смерти Леонида Николаевича 36-летняя вдова оказалась одна с кучей детей: с Вадимом (Даниил воспитывался в семье Добровых), с Ниной, собственной дочерью от первого брака; с Саввой, Верой и Валентином — «общими детьми», как говаривал Андреев. Анна Ильинична попыталась продать дом, но тогда никому ничего не было нужно. Уезжая за границу, Анна Ильинична взяла только самое ценное — рукописи, фотографии. Почти все осталось в доме. Мебель не вытащить — она строилась прямо в доме. Большая часть огромной библиотеки осталась погнать.
 — Финская и Великая Отечественная прошли по андреевским местам. И каков итог?
 Именно там прошла линия Маннергейма: от дома осталась только часть фундамента. С большим трудом мне удалось в 91-м году добыть, чтобы андреевский участок был сдан под охрану государства. Никто не имеет права его продать. Я живу мечтой — восстановить дом, благо сохранились чертежи и фотографии. Вокруг участка земля распродана за бешеные деньги — ведь это лучшие дачные места Петербурга. В перспективе там собираются проложить дорогу в Финляндию — поистине золотая земля.
 — Намерены в отростроенном доме открыть музей?
 Не совсем. Хотела бы, чтобы дом Леонида Андреева стал театральной площадкой, где проходили бы андреевские фестивали.
 — Идея соблазнительна. Предприниматели могли бы всерьез задуматься: капиталовложения для них не разорительны, постольку дом был построен без излишеств, был простым и функциональным. А фестивали могут стать популярными и доходными: природа роскошна, сценические фантазии русского символиста зрелищны.
 — В прошлом сезоне в московской афише значилось 7 спектаклей Леонида Андреева. А если сосчитать, сколько их ставяют по всей России?
 Так что пусть спонсоры становятся в очередь на осуществление вашей дерзкой идеи. А мы пока последуем за вдовой Леонида Андреева.

ВДОВА И ПЯТЕРО ДЕТЕЙ

— Сначала бабушка с детьми уехала в Германию, где занималась изданием сочинений Андреева на немецком. Затем семья уехала в Италию, потом во Францию, в Чехию. И выходили книги русского символиста на итальянском, французском, чешском, английском. Моя мама называла такое путешествие семьи «галлопом по Европам».
 — Мы знаем о Вадиме и Данииле Андреевых, об их талантливых книгах. Но ничего не знаем о других детях Андреева.
 Савва был любимцем матери и отца. Талантливому мальчику первые уроки рисования давал Репин, что позволило Савве поступить в Академию художеств и закончить ее. И полная неожиданность — Савва Андреев стал танцовщиком у знаменитого балетмейстера Фокина и обехал весь свет. Он танцевал в театре «Колон», в Буэнос-Айресе, но его никогда не покидала страсть к живописи. Умер он в Аргентине.
 — А Вера оставила воспоминания?
 А как же! Первая ее книга «Дом на Черной реке» выходила трижды. А в 1986 году была опубликована ее книга воспоминаний «Эхо прошедшего». К счастью, мама успела ее увидеть.
 — Каким дарованием Бог наградил Валентина?
 Он писал фантастические и юмористические рассказы, но публиковать не считал нужным. Свои художественные способности Валентин усовершенствовал в Париже, где закончил школу изящных искусств.
 — Андреевы все были талантливы. Любопытно, а как Вадим относился к Анне Ильиничне?
 Идеальное отношение с мачехой вообще невероятны. Когда Леонид Николаевич умер, Вадим было лет 17. Он и раньше страшно ревновал отца к Анне Ильиничне. В своей книге «Детство» он упоминал о ней всего несколько раз — так сильно была его неприязненность. Когда Вадим посетил нас в этой квартире, будучи в Москве, мама спросила его: «Почему ты ничего не написал про маму?» Он ответил: «Скажи спасибо, что ничего не написал!» И тем не менее, несмотря на сложность ситуации, родственники сохранили прекрасные отношения. Переписка была всегда. Но глухая ненависть все-таки таилась. И даже дети Вадима, не видевшие Анну Ильиничну, до сих пор сохраняют дистанцию между собой и другими потомками Андреева. Чувства сильнее разума. Итог грустный — все дети Андреева разлетелись в разные концы света. Только моя мама и Даниил похоронены в Москве.
 — Ирина, вам известно, как дедушка познакомился с бабушкой?
 Рассказу об одной из версий. После смерти Александры Михайловны Леонид Николаевич очень страдал и был глубоко подавлен. К счастью, вовремя опомнился и решил вернуться к творчеству, а потому рискнул через газету подыскать себе секретаршу.
 — Опрямительный поступок!
 Послужить писателю, столь знаменитому, набегала толпа соискательниц, но ни одна не заинтересовала Андреева. В дело вмешался Корней Чуковский, порекомендовав свою давнюю знакомую:

она владеет иностранными языками, имеет высшее образование и, что немаловажно, хороша собой. Анна Ильинична появилась в доме в конце марта, а уже в апреле они поженились. Даже по современным меркам, у этого романа бешеная скорость. Я полагаю, встреча с ней переломила настроение Леонида Николаевича. Бабушка была женщиной энергичной, может быть, даже слишком, но она не давала семье утонуть в тихом омуте самодовольства. Что касается ее чувств к Андрееву, то она его боготворила. Рано овдовев, красивая Анна Ильинична не вышла замуж и посвятила жизнь заботе о творческом наследии писателя. В конце жизненного пути бабушка поселилась под Нью-Йорком, на толстовской ферме, организованной Татьяной Толстой.
 — Третье поколение Андреевых — внуки — не поддерживают родственную связь?
 К сожалению, нас разделяет не только расстояние. Сын Вадима Александр живет в Париже. Он переводчик-синкретист, возглавляет отделение перевода ЮНЕСКО. Дочь Вадима — Ольга Карлайл живет в Сан-Франциско, она достаточно известный литератор, к тому же унаследовала способность к рисованию. У Даниила и Саввы детей не было, у Валентина — двое. Зато у Веры, моей мамы, нас было трое: в Москве живет моя старшая сестра Наташа, а брат Андрей умер, когда мы приехали в Москву в 61-м году.
 — Я видела великолепный альбом, изданный в Лондоне Ричардом Дэвисом, посвященный фотоскульптуре Леонида Андреева. Роскошь портретов и жанровых сцен — все на уровне настоящего искусства. Как этот уникальный материал добыл увлеченный англичанин?
 При окупации, при переездах из страны в страну бабушка хранила архив, как самую большую реликвию. Все это уцелело чудом. А как материалы оказались в Англии — это особая тема, настоящий детектив. Об этом как-нибудь в другой раз.
 — Наши издательства что-то получат от вас в юбилейный год Андреева?
 В ноябре в «Нашем наследии» будут опубликованы письма Леонида Андреева, до сих пор не видевшие свет, и редкие фотографии писателя, сделанные им самим. В «МК» сегодня — часть грядущей публикации.
 Наталья ДАРДЫКИНА.

Илья Репин. Портрет Анны Ильиничны (он в Финляндии).

Сухая, колкая пороша мелко и зыбко стелется вокруг большого и сумрачного Дома.
 Сквозь темень и вьюгу туманно проступают провалы окон.
 Двери темного Дома моего глухо отражают мерные удары белого и хладного напора.
 Холодно. Бело. Темен Дом. Ни единого проблеска в мерзлой ночи.

Ирина АНДРЕЕВА ДОМ

Долгие-долгие стильные года все тянется тускло мой сон.
 Неумолимое время немилосливо-больно давит душу во сне. И солнечный свет — и он! — не в силах спасти меня. Спаси и оберечь.
 Лишь вьюга, лишь ветер воспоминаний веет над Домом моим.
 Дом... И поэмка... И дыхание ушедшего света.
 И ночью, — сегодня, только что, — все то же:

Дом... Сон... Но... Боже, что там мерцает трепетно в туманной тьме? Вон там — в том дальнем и дымном проеме окна... Вон там, на высокой башне огромного — и родного! — Дома воспоминаний... Свет, мерцающий тонко... Словно кто-то подошел к окну со свечой.